

литическим и т. д.); доброжелательным и эмпатийным отношением к представителям других культур; стремлением к взаимопониманию и взаимодействию с учетом культурных различий в сочетании с активностью, направленной на реализацию этих намерений. Следует отметить, что сформированность межкультурной толерантности проявляется в уверенности личности в собственной позиции, способности ее доказать, что свидетельствует о глубоких знаниях родной культуры и осознании своей национальной принадлежности.

Таким образом, проведенное исследование доказывает: МКК регулируются теми же правилами, что и коммуникация в пределах своей культуры, но, с другой стороны, это вызывает закономерное их нарушение.

В результате проведенного анализа установлено, что особенности проявляются во всех аспектах структуры МКК: коммуникативном (межличностный обмен информацией для одной из сторон с помощью вербальных и невербальных средств другой культуры), интерактивном (проявление их национальных и индивидуальных особенностей, характере социальных отношений между коммуникантами), перцептивном (различия в кодировке, декодировании и восприятии информации, разногласиях в понимании коммуникантами ситуации МКК, интерпретации и оценке полученной информации, коммуникативного поведения и личностных качеств собеседников – представителей разных культур). Достижение взаимопонимания и результатов МКК в сфере международной деятельности возможно лишь при условии взаимодействия равноправных партнеров на основе субъект-субъектных отношений, которое означает признание ценности другого человека и осознание особенностей его культуры.

Библиографический список

1. Донец, П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики / П. Н. Донец. – Х. : Штрих, 2002. – 386 с.
2. Ерасов, Б. С. Социальная культурология: учеб. для студ. высш. учеб. завед. / Б. С. Ерасов. – Изд-е третье, доп. и перераб. – М. : АспектПресс, 2000. – 591 с.
3. Кармин, А. С. Культурология: учеб. для вузов / А. С. Кармин. – СПб. : Лань, 2001. – 832 с.
4. Крысько, В. Г. Социальная психология: Схемы и комментарии / В. Г. Крысько. – М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 208 с.
5. Куницына, В. Н. Межличностное общение: учеб. для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 554 с.
6. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 351 с.
7. Пассов, Е. И. Иноязычная культура как содержание иноязычного образования / Е. И. Пассов // Мир русского слова. – 2001. – № 3.
8. Oberg, K. Cultural shock: adjustment to new cultural environment / K. Oberg // Practical Anthropology. – 1960. – № 7. – P. 177–182.

КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

***И. П. Кудреватых (Минск, Беларусь)
Ху Вэй (Китай)***

Национальные культуры в современном мире вступают в диалог с другими этническими культурами, иногда раскрывая то, чего не замечалось ранее в родной культуре. В этой связи М. М. Бахтин пишет: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не

ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 335], поэтому исследование национальных и культурных особенностей языка в условиях межкультурной коммуникации представляет несомненный интерес для лингвистики в целом и лингвокультурологии в частности.

Язык служит основой культуры, т. к. даёт возможность носителям разных культур воспринимать друг друга в процессе межнационального общения. Изучение культурных, научных и экономических отношений между народами способствует лучшему пониманию как языковых и культурных особенностей нации, так и самой культурной личности. Э. Сепир отмечает: «Язык – это путеводитель, приобретающий всё большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [2, с. 365]; это составная часть культуры, в которой проявляются национальные особенности и образ мышления конкретного народа, меняющиеся по мере изменения действительности. Основная функция культуры – быть средством духовно-нравственного обогащения человека, т. к. культура – это единство национального и общего, специфического и интернационального. Все особенности культуры нации фиксируются в её языке, который по-разному представляет мир и людей в нём в силу своей специфичности и исключительности.

Любая деятельность человека происходит в определённых исторических, географических, социальных условиях, которые находят отражение в языковой картине мира, интернациональной и глубоко национальной одновременно. «Языковая картина мира, – пишет Н. Н. Столярчук, – есть репрезентант концептуального мира. <...> Именно языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задаёт нормы поведения человека в мире, а возможно, и управляет его поведением» [3, с. 43]. Отражением языковой картины мира является весь строй языка – лексический, фразеологический, грамматический как совокупность знаний о мире, результат познавательной деятельности человека, который воспринимает окружающий мир как «картину», включающую все предметы и явления, в том числе и сам язык. Лексика, как никакой другой языковой уровень, испытывает на себе малейшие изменения в «жизни» языка. Новые общественные условия – политические, экономические, культурные, появление новых реалий способствуют изменению значений слов, передвижению их из периферии в центр и наоборот. Возникновение огромного числа слов связано с историческими событиями, поэтому именно лексика как наиболее подвижный уровень языка включает в себя богатую национально-культурную информацию, представленную культурной семантикой языковых структур, отражающих взаимодействие кода языка и кода культуры. С этой точки зрения, басни как лингвокультурные знаки – это своеобразный код культуры, репрезентирующий национально-культурную ментальность его носителей.

Одной из функций национального языка является фиксация и хранение знаний о мире, отражение их в языке, и прежде всего – в его лексико- фразеологическом составе. В. Н. Телия, Д. Б. Гудков и другие учёные акцентируют внимание на лингвокультурном аспекте языка, обслуживающего когнитивную деятельность народа, его мировидение, историю, нравы, воображение и др. «Условия жизни, – отмечает А. Н. Леонтьев, – оставляют неизгладимый след как в лексико-фразеологическом составе языка, так и в значении отдельных слов, приобретая благодаря этому устойчивость и составляя впоследствии содержание общественного сознания» [4, с. 288]. Среди основных лексических групп языка, которые содержат культурный компонент значения, выделяются имена собственные – зоонимы, топонимы и антропонимы, или мифологизированные единицы языка – архетипы и мифологемы. «Мифологема, – пишет В. А. Маслова, – это важный для мифа персонаж или ситуация, это как бы “главный герой” мифа, который может переходить из мифа в миф. В основе мифа лежит... архетип – устойчивый образ, повсеместно возникающий в индивидуальных сознаниях и имеющий распространение в культуре» [5, с. 14]. Имя собственное концептуализирует человека как уникальный

организм. Но когда интерес к человеку растёт, вместо одного имени собственного индивид реализуется в целом ряде разных имён.

«Под влиянием национальной специфики перцептивной деятельности одни и те же предметы или явления могут по-разному оцениваться в отдельных культурах, вследствие чего обозначающие их слова приобретают различные коннотации, которые выражают эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова» [6, с. 48]. Культурная коннотация, или семантические ассоциации, представляет собой устойчивые признаки, совмещающие логические и эмотивные элементы, которые, с одной стороны, являются дополнительными, с другой – представляют лексическое понятие, содержащее оценку предмета или факта действительности, известную только в определённом языковом сообществе. Например, муравей с библейских времён считается символом трудолюбия, что иллюстрируется коннотативным значением данной лексемы: в русском языке производное прилагательное муравьиный означает ‘трудолюбивый заботливый, хлопотливый (муравьиная работа)’. И в басне И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» в основе образа муравья лежит архетип старательного, усердного существа. В китайском языке данная символика не подтверждается наличием каких-либо переносных, производных слов, т. к. в китайской культуре муравей – символ маленького человека, потому что слово муравей (蚂蚁 Ма и) омонимично слову «亿» (и), т. е. слова *муравей* и *мирады* – омофоны. В китайской басне «蚂蚁和狮子» («Муравей и Лев») образ Муравья – прототип маленького человека, но, по сравнению со Львом, имеющего твёрдый характер, благодаря чему он всегда добивается своей цели.

Россия и Китай имеют различную историю и культуру, но каждая страна обладает бесценным опытом, который сложился под воздействием различных условий, что, естественно, повлияло на содержание басен. Как известно, персонажами басни обычно выступают животные, вещи, растения, в образной форме высмеивающие недостатки людей. В басенном творчестве, как в русском, так и в китайском, наблюдается немало произведений, главными персонажами которых являются предметы, небесные явления, абстрактные понятия, характеристики человека и др., которые становятся носителями культурного смысла. В басне одно и то же животное в разных языках может иметь разные, вплоть до противоположных, характеристики, хотя экстралингвистическая база в использовании зоонимов практически одинаковая. Для иллюстрации приведём мифологему *петух* и семантические признаки, присущие ей в сопоставляемых языках. Данное слово имеет переносные значения, выражающие такие коннотативные признаки, как драчливость, задиристость и в то же время гордость. Оно входит в состав фразеологических единиц, содержащих определённые ассоциации. Например, в основе русского фразеологизма *пускать красного петуха* лежит архетип петуха как покровителя огня. В славянской мифологии петух почитался и как символ Солнца. Его считали даже оберегом, помещая на крышах домов и флюгерах. Крик петуха, по народному убеждению, отгоняет всякую нечистую силу. Однако в басне И. А. Крылова «Госпожа и две служанки» петух изображён как существо злобное, демоническое: Да, в доме том проклятый был петух... или Злодея их не стало..., поэтому девушки и расправляются с ним без малейших угрызений совести: Добро же ты, нечистый дух!; И, выбрав случай, без сожаленья свернули девушки головку петуху.

Одна и та же лингвокультурная единица может быть отражена и в поговорках, и в мифах, и во фразеологизмах. Так, в китайском языке петух имеет разную символику. Например, в основе фразеологизма 公鸡下蛋猫咬狗 (петух несёт яйца) петух – символ чего-то непредсказуемого, в основе выражения 瓷公鸡, 玻璃猫 (фарфоровый петух) лежит значение ‘скупой’; символику бесчисленного множества чего-л. содержит фразеологизм 大公鸡吃米 (петух ест рис). Крик петуха обозначает 吉(ци) – несёт счастье и весну: 金鸡鸣春 (когда золотой петух закричит, тогда весна будет), 鸡鸣报晓 – крик петуха возвещает рассвет (напр., о бое часов, как о пении петуха). В начале Нового китайского года китайцы клеят на окнах петуха, вырезанного из бумаги, – к счастью. Басенный петух имеет и другое значение, например: в басне

«Мэнчанцзюнь» один из слуг, притворившись собакой, проник в цинский лагерь, где Мэнчанцзюня держали под стражей, и помог ему бежать, а другой отвлекал преследователей подражанием пению петуха. На основе басни появилась фразеологическая единица 鸡鸣狗盗 – петух поёт и, как собака, крадёт в значении ‘ловкий, изворотливый человек’. Кроме того, со словом петух в китайских баснях встречаются и другие чэньюй: 斗鸡走狗 (петушине бои, обр. ‘прожигать жизнь, жить в своё удовольствие’). Таким образом, в результате разных представлений древних китайцев об этой птице сложились мифологемы «петух-счастье», «петух-весна», «петух-вор», «петух-бездельник» и др. Как отмечает Р. М. Фрумкина, «любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно значимых понятий и отношений» [7, с. 21].

Разную коннотативную символику в русской и китайской культурах имеет образ лошади. В русской культуре лошадь – символ скорости, грации, а также мужества и выносливости. В христианстве конь обозначает солнце, смелость, благородство. Например, в басне И. Панина «Верховая лошадь» представлен архетип лошади как символ скорости и грации: Но что ж? как лошадь статна, / С собой, как ни красива... В древней китайской басне часто используется образ лошади для выражения её работоспособности. Лошадей можно использовать для войны и в быту. Сила лошади и её возможности являются основой одновременно и процветания, и упадка экономики страны. Такая символика нашла глубокое отражение в китайской мифологии, например: в басне «驥遇伯乐» (букв. благородный конь встречает Бо Лэ и жалуется ему, что его заставляют возить соль; в перен. знач. ‘о выдающемся талантливым человеке, который жалуется мудрому человеку на унижительность навязанной ему службы’), в баснях «田子方遇老马» («Тянь Цзыфан встречает старую лошадь»), «置之牧外» («Чжи Чжи Му Вай») и др. До настоящего времени архетип лошади используется в баснях как символ успеха, заслуг перед китайской культурой.

В басне «Павлин и Соловей» И. А. Крылов для изображения талантливого человека использует образ Соловья, называя его великий мастерище, любимец и певец Авроры. Хотя цвет его перьев не вызывает восхищения, его исполнительский талант признаётся всеми. В современном русском языке этот образ является символом любви и радости. Ещё один яркий пример культурной символики: в западной культуре птица Феникс является символом бессмертия, воскрешения после смерти через огонь, например, в басне В. Измайлова «Феникс». В китайском языке Феникс – «凤凰» («фенхуан»): «凤» (фен) – самец птицы, «凰» (хуан) – самка птицы; для китайцев феникс – символ супружеской верности и счастливой жизни. Эта птица изображается на свадебных нарядах. Чэньюй «凤凰于飞» в буквальном переводе означает самцу и самке феникса вместе летать, обр. в значении ‘счастливые супруги’. Феникс остается символом счастья в китайской культуре и сегодня.

В русской культуре частый басенный персонаж – архетип собаки, который является противоречивым: с одной стороны, собака – символ преданности, верности, дружелюбия (собачья преданность, собачья верность), с другой стороны, образ собаки – архетип чего-то отрицательного, т. к. ассоциируется с тяжёлой жизнью, бытовой неустроенностью, клеветой (собачья жизнь, брехать как собака, собака лает – ветер носит, повесить всех собак). В китайской традиционной культуре собака имеет только отрицательную символику: стремление к выгоде и возможность избежать утраты, отношение к людям в зависимости от их общественного положения, неверность, т. е. данное слово входит в негативный коннотативный ряд.

С точки зрения культурных коннотаций, интерес представляют басни К. Пруткина, в которых обыгрываются омонимы. Например, в басне «Стан и Голос» контаминируются значения слова стан: 1) тело, организм, телосложение; 2) административно-полицейский округ из нескольких волостей. В басне «Чиновник и Курица» смысл строится на совмещении значений омонимов нестись – ‘бежать’ и нестись – ‘нести яйца (о курице)’. В басне «Звезда и Брюхо» обыгрываются омонимы звезда как ‘небесное тело’ и звезда как ‘орден святого Станислава, имеющий форму звезды’. Слова или словосочетания, называющие явления, свойственные

одному народу и чуждые другому, отражают явления действительности с помощью языковых особенностей передачи культурной информации этой нации. Так, в басне И. А. Крылова «Крестьянин и Смерть» находим слова с национальным колоритом: Куда я беден, боже мой! / Нуждаюся во всём; к тому ж жена и дети, / А там подушное, боярщина, оброк... / И выдался ль когда на свете / Хотя один мне радостный денёк? Иногда носителями культурных коннотаций в современных русских баснях становятся прецедентные ситуации, например, в баснях Н. Н. Самойлова «Один день бабы Яги, вставшей не с той ноги», «Пушкин о героях нашего времени». В русской культуре в баснях часто используются названия церковей или костёлов, например: В глуши лесов стоял забытый храм, / В котором много лет был свален разный хлам (С. В. Михалков «Забытый храм»); Решил раз Мир построить где-то Храм / В восторге весь народ от тех затей (С. Неверской «Как построили Храм без гвоздей»); Чем больше злата и богатства в храме / Тем реже посещает Бог его (О. В. Емельянова «Отшельник и настоятель»); Волк чудом не схватил ягнёнка / От страха забежал барашек в храм (А. Пальянов «Волк и ягненок в храме»).

Таким образом, басня как культурный код содержит богатые национально-культурные традиции, в основе которых лежат сложившиеся в сознании носителей языка представления о сходстве и различии объектов.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. / Э. Сепир ; под ред. А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс, 1993. – 655 с.
3. Столярчук, Н. Н. Основы лингвокультурологии : учеб.-метод. комплекс / Н. Н. Столярчук. – Брест : Брест. гос. ун-т, 2020. – 100 с.
4. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – 3-е изд. – М. : Моск. ун-т, 1972. – 575 с.
5. Маслова, В. А. Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – 3-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2018. – 177 с.
6. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / авт.-сост. С. П. Белокурова // Культура письменной речи. Русский язык и литература. – Режим доступа: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0>. – Дата доступа: 30.08.2022.
7. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика : учебник / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2001. – 315 с.

БЕЛАРУСКАЯ ПАЭТЫЧНАЯ МЕТАФОРЫКА Ў ЛЮСТЭРКУ ПАРОДЫІ

С. Б. Кураш (Мазыр, Беларусь)

Асаблівай формай увасаблення інтэртэкставай метафары з’яўляецца яе функцыянаванне ў тэкстах-пародыях. У гэтым сэнсе заслугоўваюць увагі аргументы і палажэнні аб «роднаснай» сувязі інтэртэкста і тропа, якія неаднаразова выказваліся ў навуковай літаратуры [1, с. 155–164], і ў прыватнасці, падыход У. П. Скобелева [2], які адзначаў цесную сувязь паміж тропавасцю і парадыраваннем. У аснову таго і іншага, на думку вучонага, пакладзена «адзінства залежнасці і самастойнасці (па прынцыпе: блізка, нават падобна і ў той жа час тут ёсць нешта сваё)». І далей: «зразумела, найбольш роднасныя парадыраванню ў яго дынамічнай сутнасці разгорнутае параўнанне (на ўзроўні фэбулы) і разгорнутая метафара (на ўзроўні сюжэтна-кампазіцыйнай цэласнасці). Яны гэтак жа здольныя “размотваць” свой сюжэт, як “размотвае” свой сюжэт парадыраванне» [2, с. 56].